

Дульзон А. П. Кетский язык. Томск, 1968
Крейнович Е. А. Кетский язык // Языки Азии и Африки. М., 1979

Крейнович Е. А. Об изучении языка симских кетов // ВЯ, 1969, № 2
Werner H. Das Jugische (Sym-Ketsche) (в печати)

Г. К. Вернер
КОТТСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

1.1.1. Коттский язык (К.я.) — язык одной из южных енисейских народностей с самоназванием *kottuen* 'котты'. В деловых документах XVII в. встречаются еще варианты названия этой народности «котовцы» и «кутаны» (от бурятского названия коттов *koton*) У Г. Ф. Миллера название *kottuen* приведено для ассанов.

1.1.2. Коттский и ассанский языки составляли близкородственную группу в составе енисейской семьи языков. Иногда их объединяют в единый ассано-коттский язык, но для этого нет достаточных оснований.

1.1.3. К.я. существовал до середины XIX в. и был в последний раз записан М. А. Кастреном на р. Агул. Территория его распространения в Сибири в прошлом может быть установлена по распространению коттских гидронимов; это область между р. Каном и р. Бирюсой, а также небольшая область на левобережье Средней Томи. Ареал коттских гидронимов на *-šet* (*-čet*) четко отграничен от ареала ассанских гидронимов на *-ul*.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. Материалы М. А. Кастрена позволяют выделить в К.я. по меньшей мере два диалекта. В наличии нескольких диалектов К.я. еще больше убеждает сравнение данных М. А. Кастрена с коттскими материалами, записанными в XVIII в. Однако установить территориальное распространение диалектов К.я. за отсутствием соответствующих сведений оказывается ныне уже невозможным.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. Котты представляли собой немногочисленную енисейскую народность, которая занималась охотой, рыболовством и собирательством. Ко времени прихода русских в Среднюю Сибирь котты, как и другие енисейские народности, находились на стадии разложения первобытно-общинного строя. Поэтому говорить о каком-то особом коммуникативно-функциональном статусе или ранге К.я. не приходится.

1.3.2. Сведений о наличии в прошлом каких-либо наддиалектных форм К.я. не сохранилось.

1.3.3. Учебно-педагогического статуса К.я. не имел.

1.4.0. К.я. письменности не имел.

1.5.0. О периодизации истории К.я. дошедшие до нас языковые материалы никаких сведений не содержат.

1.6.0. Внутроструктурные явления, обусловленные внешнеязыковыми контактами, представлены в К.я. на всех уровнях — фонологическом, грамматическом, лексическом. Особенно сильно ощущается тюркское влияние.

ты названия этой народности «котовцы» и «кутаны» (от бурятского названия коттов *koton*). У Г. Ф. Миллера название *kottuen* приведено для ассанов.

1.1.2. Коттский и ассанский языки составляли близкородственную группу в составе енисейской семьи языков. Иногда их объединяют в единый ассано-коттский язык, и для этого нет достаточных оснований.

1.1.3. К.я. существовал до середины XIX в. и был в последний раз записан М. А. Кастреном на р. Агул. Территория его распространения в Сибири в прошлом может быть установлена по распространению коттских гидронимов; это область между р. Каном и р. Бирюсой, а также небольшая область на левобережье Средней Томи. Ареал коттских гидронимов на *-šet* (*-čet*) четко ограничен от ареала ассанских гидронимов на *-ul*.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. Материалы М. А. Кастрена позволяют выделить в К.я. по меньшей мере два диалекта. В наличии нескольких диалектов К.я. еще больше убеждает сравнение данных М. А. Кастрена с коттскими материалами, записанными в XVIII в. Однако установить территориальное распространение диалектов К.я. за отсутствием соответствующих сведений оказывается ныне уже невозможным.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. Котты представляли собой немногочисленную енисейскую народность, которая занималась охотой, рыболовством и собирательством. Ко времени прихода русских в Среднюю Сибирь котты, как и другие енисейские народности, находились на стадии разложения первобытно-общинного строя. Поэтому говорить о каком-то особом коммуникативно-функциональном статусе или ранге К.я. не приходится.

1.3.2. Сведений о наличии в прошлом каких-либо наддиалектных форм К.я. не хранилось.

1.3.3. Учебно-педагогического статуса К.я. не имел.

1.4.0. К.я. письменности не имел.

1.5.0. О периодизации истории К.я. дошедшие до нас языковые материалы никаких сведений не содержат.

1.6.0. Внутроструктурные явления, обусловленные внешнеязыковыми контактами представлены в К.я. на всех уровнях — фонологическом, грамматическом, лексическом. Особенно сильно ощущается тюркское влияние.

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1.

Г л а с н ы е

Подъем		Ряд		
		Передний	Средний	Задний
Верхний		<i>i</i>		<i>u</i>
Средний	Закрытый	<i>e</i>		<i>o</i>
	Открытый	<i>ɛ</i>		<i>ɔ</i>
Нижний		<i>a</i> (=æ)	<i>a</i>	

присходит повышение основного тона голоса на первом слоге (напр. *tálaŋ* — мн. ч. от 'жилка'), а при другом акцентном типе — на последнем слоге (напр., *kanšá* 'куриная трубка'). Преобладает второй тип, что и побудило М. А. Кастрена сделать вывод, что в краткосложных словах ударение всегда приходится на конец слова. В связанной особенностью ударения можно предполагать сильное тюркское влияние в К.я.

2.1.3. От акцентуационных условий (позиция по отношению к ударению, характер слогового тона) зависит реализация качественных и количественных признаков гласных.

Так, в безударной позиции наблюдается качественная и количественная редукция гласных вплоть до полного их исчезновения, например, в конце слов: *ša:na* > *ša:n* > *šat* 'позже', *aša:me* > *aša:m* 'плохо'.

По аналогии с современными енисейскими языками — кетским и югским — можно предполагать, что в К.я. первый тон реализовался на закрытом, а второй — на открытом вокалическом фонемном базисе: *he:n* (= ²heʔn) 'сажень', мн. ч. *he:naŋ* (= ¹he:naŋ); *to:n* (= ²toʔn) 'нож', мн. ч. *to:naŋ* (= ¹to:naŋ). Это хорошо подтверждается примерами типа *e:g* (= ¹e:g) 'коза', мн. ч. *ag* (= ²aʔg); *še:t* (= ¹še:t) 'лиственница', мн. ч. *šat* (= ²šaʔt); *ši:g* (= ¹ši:g) 'ночь', мн. ч. *šag* (= ²šaʔg), в которых сужение и расширение вокала под воздействием слоговых тонов представлено достаточно наглядно.

Следует отметить дифтонгизацию вокалического фонемного базиса под воздействием фарингализации (или ларингализации) у второго и третьего коттских тонов: *i:g* ~ *i:x* 'день', мн. ч. *eäkg* (= ²eʔkg); *koaš* (= ²koʔš) 'красивый'; *šuʔol* (= ³šu:ʔol) 'бочка'.

Из фонетических процессов в области консонантизма К.я. следует выделить следующие: (1) *ŋ* > *n* перед *š, č, t, d, s, p, d'*: *aŋol* 'мы' — *aŋoše* 'наш'; (2) *š* > *t* перед *n*: *šalaš* 'сова' — мн. ч. *hapalatn*; (3) *b* > *m* при появлении в слоге *n*: *batʰiaŋ* 'толкаю', мн. ч. *batʰiaŋ* 'толкнул'; (4) *ŋ, n* > *m* перед *b, p, f*: *baŋukŋ* 'найду', мн. ч. *ma:mpukŋ* < *ma:mpukŋ* 'нашел'; (5) *x* > *g, š* > *č* в позиции между гласными: *huš* 'лошадь' — мн. ч. *hušan*; (6) *h* > *g* между гласными: *xeli:ča* 'шесть' < *xe:la* 'пять' + *hu:ča* 'один'; (7) *tʰ* > *t* между гласными: *tʰe:g* 'ремень', но *ti-te:g* 'пояс'.

2.1.4. Преобладающими структурами слога в К.я. являются следующие: CVC, CV, VC, V. К.я., как и другие енисейские языки, избегает скопления согласных в начале и в конце слога; исключением являются лишь сочетания *-tn, -kŋ* в исходе словоформ. Такая особенность слога заключается в четкой дифференциации инициалей и финалей, так, согласные *b, pʰ, tʰ, d', q, č, h* встречаются только в начале слога, согласные *m, n, l, ɾ, r, ɟ, x* — только в исходе слога, и лишь *š, p, t, k* наблюдаются и в той, и в другой позиции.

Длительность в К.я. связана во многих случаях с характером слогового тона (первый и третий тон являются долгими, а второй — кратким, отрывистым): *uŋ* (= ²uʔŋ) 'колыбель', мн. ч. *u:jaŋ* (= ¹u:jaŋ); *pe:x* (= ¹pe:x) 'чурка', мн. ч. *pa:kŋ* (= ²paʔkŋ); *i:* (= ¹i:) 'лыжа', мн. ч. *eŋ* (= ²eʔŋ) и т. д. Но в других случаях, особенно в многосложных словах, где тональные различия нейтрализованы, длительность может рассматриваться как фонетически релевантный признак на уровне гласных фонем, например: *ulaj* 'ребро' — мн. ч. *ulaj* 'песня, песнопение'; *ko:ja* 'олень' — род. п. *ko:ja:*.

Просодический характер носит также признак фарингализации (ларингализации), соответствующий второму и нередко третьему слоговым тонам, и обозначаемый знаком ʔ.

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. Корневые и служебные морфемы К.я. в большинстве случаев односложны, но встречаются и дву- или трехсложные морфемы как результат заимствования или исто-

гласных вплоть до полного их исчезновения, например, в конце слов: *ča:na* > *ča:n* > *čan* 'позже', *aša:me* > *aša:m* 'плохо'.

По аналогии с современными енисейскими языками — кетским и югским — можно предполагать, что в К.я. первый тон реализовался на закрытом, а второй — на открытом вокалическом фонемном базисе: *he:n* (= ²*heʔn*) 'сажень', мн. ч. *he:naŋ* (= ¹*he:naŋ*); *to:n* (= ²*toʔn*) 'нож', мн. ч. *to:naŋ* (= ¹*to:naŋ*). Это хорошо подтверждается примерами типа *e:g* (= ¹*e:g*) 'коза', мн. ч. *a:g* (= ²*aʔg*); *še:t* (= ¹*še:t*) 'лиственница', мн. ч. *ša:t* (= ²*šaʔt*); *ši:g* (= ¹*ši:g*) 'ночь', мн. ч. *ša:g* (= ²*šaʔg*), в которых сужение и расширение вокализма под воздействием слоговых тонов представлено достаточно наглядно.

Следует отметить дифтонгизацию вокалического фонемного базиса под воздействием фарингализации (или ларингализации) у второго и третьего коттских тонов: *i:g* ~ *i:x* (= ¹*i:x*) 'день', мн. ч. *ei:kŋ* (= ²*eʔkŋ*); *ko:š* (= ²*koʔš*) 'красивый'; *šuʔol* (= ³*šu:ʔol*) 'бочка'.

Из фонетических процессов в области консонантизма К.я. следует выделить следующие: (1) *ŋ* > *n* перед *š*, *č*, *t*, *d*, *s*, *p*, *d'*: *ajonŋ* 'мы' — *ajonše* 'наш'; (2) *š* > *t* перед *n* *hapalaš* 'сова' — мн. ч. *hapalatn*; (3) *b* > *m* при появлении в слоге *n*: *baʔiaŋ* 'толкаю', *maʔaʔiaŋ* 'толкнул'; (4) *ŋ*, *n* > *m* перед *b*, *p*, *f*: *baʔikŋ* 'найду', *ma:mpikŋ* < *ma:mpikŋ* 'нашел'; (5) *x* > *g*, *š* > *č* в позиции между гласными: *huš* 'лошадь' — мн. ч. *hučan*; (6) *h* > *Ø* между гласными: *xelu:ča* 'шесть' < *xe:la* 'пять' + *hu:ča* 'один'; (7) *tʰ* > *t* между гласными: *tʰe:g* 'ремень', но *ti-te:g* 'пояс'.

2.1.4. Преобладающими структурами слога в К.я. являются следующие: CVC, CV, VC, V. К.я., как и другие енисейские языки, избегает скопления согласных в начале и в конце слога; исключением являются лишь сочетания *-m*, *-kŋ* в исходе словоформ. Другая особенность слога заключается в четкой дифференциации инициалей и финалей; так, согласные *b*, *pʰ*, *tʰ*, *d'*, *q*, *č*, *h* встречаются только в начале слога, согласные *m*, *n*, *n'*, *l*, *l'*, *r*, *ŋ*, *x* — только в исходе слога, и лишь *š*, *p*, *t*, *k* наблюдаются и в той, и в другой позиции.

Длительность в К.я. связана во многих случаях с характером слогового тона (первый и третий тон являются долгими, а второй — кратким, отрывистым): *uj* (= ²*uʔj*) 'колыбель', мн. ч. *u:jaŋ* (= ¹*u:jaŋ*); *pe:x* (= ¹*pe:x*) 'чурка', мн. ч. *pa:kŋ* (= ²*paʔkŋ*); *i:* (= ¹*i:*) 'лыжа', мн. ч. *eiŋ* (= ²*eʔŋ*) и т. д. Но в других случаях, особенно в многосложных словах, где тональные различия нейтрализованы, длительность может рассматриваться как фонологически релевантный признак на уровне гласных фонем, например: *ulaj* 'ребро' — *ula:j* 'песня, песнопение'; *ko:ja* 'олень' — род. п. *ko:ja:*.

Просодический характер носит также признак фарингализации (ларингализации), сопутствующий второму и нередко третьему слоговым тонам, и обозначаемый знаком ?.

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. Корневые и служебные морфемы К.я. в большинстве случаев односложны, но встречаются и дву- или трехсложные морфемы как результат заимствования или исторического словосложения с последующей десемантизацией тех или иных составных компонентов. Морфемы могут состоять и из одной фонемы, гласной или согласной.

2.2.2. Сведений нет.

2.2.3. См. 2.1.3., других сведений нет.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

По строению глагольных словоформ К.я. в целом может быть охарактеризован как язык агглютинативного типа, в морфологии которого представлена суффиксация, инфиксация и, в меньшей мере, чем в кетском и югском, префиксация.

2.3.4. В К.я. устанавливается 9 падежей.

Падежные показатели

Падеж	Ед. число		Мн. число	
	муж.	жен., вещ.	невещ.	вещ.
Абсолютный	Ø	Ø	Ø	Ø
Родительный	-a	-i	-ŋ	-i
Дательный	-a-ʔa	-iga	-ŋa	-iga
Местный	-a:ha:t	-iha:t	-ŋha:t/-ŋat	-iha:t
Исходный	-a:čaŋ	-ičaŋ	-nčaŋ	-ičaŋ
Инструментальный	-o:	-o:	-o:	-o:
Совместный	-oš(-aš)	-oš(-aš)	-oš(-aš)	-oš(-aš)
Лишительный	-fun/-p ^h un	-fun/-p ^h un	-fun/-p ^h un	-fun/-p ^h un
Сравнительный	-baš/-paš	-baš/-paš	-baš/-paš	-baš/-paš

Все эти падежные формы, кроме инструментальной, отмечены М. А. Кастреном и для личных местоимений К.я. Автор не назвал, однако, в своем перечне лишительный и сравнительный падежи, хотя свидетельств наличия в К.я. приводит в своей книге достаточно: *aj* 'я' — *ajfun* 'без меня'; *tagaj* 'голова' — *tagajfun* 'без головы'; *čal* 'острие' — *čalfun* 'тупой' (т. е. 'без острия'); *alšip* 'собака' — *alšipbaš* 'как собака, собаке подобный'.

Помимо падежных форм значение локативности еще выражалось послеложными конструкциями, а possessивности — формами притяжательного («лично-го») склонения типа соответствующих кетских форм. М. А. Кастрен не отметил эти формы ни в кетско-югском, ни в коттском, но некоторые данные все же позволяют предполагать их наличие в К.я. Так, назальный призвук ~ в экскурсии некоторых слов можно рассматривать как реликт притяжательного префикса 1-го лица ед. числа *ŋ*, что, кстати, подтверждают параллельные формы *~ajteān* ~ *ŋajteān* 'хочу' (букв. 'мое желание') у Кастрена. Кроме того, принадлежность выражалась с помощью притяжательных местоимений. Правда, М. А. Кастрен приводит только предикативные формы этих местоимений типа *anše* 'мой', *auše* 'твой' и т. д., но, учитывая полную аналогию с кетскими формами, можно предполагать в К.я. и наличие атрибутивных форм типа *aŋ alit* 'моя жена', *au alit* 'твоя жена'.

2.3.5. Переходность / непереходность устанавливается, как правило, по рядам личных показателей в структуре глагольной словоформы: при наличии одного ряда показателей (лица субъекта действия) глагольная словоформа является непереходной, при наличии субъектного и объектного ряда — переходной, ср.:

<i>aš-ʔa:taŋ-aŋ</i>	'я бью'	<i>ač-a:-ʔa:taŋ-aŋ</i>	'я его бью'
<i>aš-ʔa:ta-u</i>	'ты бьешь'	<i>ač-u:-ʔa:taŋ-aŋ</i>	'я тебя бью'
<i>aš-ʔa:ta-x-Ø</i>	'он бьет'	<i>ač-a:n-ʔa:taŋ-aŋ</i>	'я их бью'

Из форм с залоговым значением уже М. А. Кастреном были выделены формы пассива, ср. *ačant^hakŋ* 'я ловлю', *ačant^holo:ŋ* 'я ловил', но: *ačant^hola:ʔki* 'пойман (любое лицо)'. Формы пассива имеют значение результативности (достигнутого состояния). Имеются также каузативные формы с аффиксами *-k/-g-*, *-č-*, ср.: *hata-k-ʔa:ŋ* 'грею я', *hata-g-a:ŋ* 'греюсь я', *hata-č-ej* 'развести огонь', а также с аффиксом *-ʔ^h-*, как в случае *ulšija:ŋ* 'я плаваю' — *ulšija:ʔa:ŋ* 'я заставляю его плавать'.

Видовые значения выражаются показателями *-r/-l-* (имперфективность) и *-n-* (перфективность), ср.: *barikŋ* 'я найду это', *ta:trikŋ* < *ba:trikŋ* 'я нашел это' —

Местный	-a.ħa:t	-iħa:t	-pha:t/-pat	-iħa:t
Исходный	-a.čag	-ičag	-nčag	-ičag
Инструментальный	-o'	-o:	-o'	-o'
Совместный	-oš(-aš)	-oš(-aš)	-oš(-aš)	-oš(-aš)
Лишительный	-fun/-p ^h un	-fun/-p ^h un	-fun/-p ^h un	-fun/-p ^h un
Сравнительный	baš/-paš	-baš/-paš	-baš/-paš	-baš/-paš

Все эти падежные формы, кроме инструментальной, отмечены М. А. Кастреном и для личных местоимений К.я. Автор не назвал, однако, в своем перечне лишительный и сравнительный падежи, хотя свидетельств наличия в К.я. приводит в своей книге достаточно: *aj* 'я' — *ajfun* 'без меня'; *tagaj* 'голова' — *tagajfun* 'без головы'; *čal* 'острие' — *čalfun* 'тупой' (т. е. 'без острия'); *alsip* 'собака' — *alsipbaš* 'как собака, собаке подобный'.

Помимо падежных форм значение локативности еще выражалось послеложными конструкциями, а посессивности — формами притяжательного («личного») склонения типа соответствующих кетских форм. М. А. Кастрен не отметил эти формы ни в кетско-югском, ни в коттском, но некоторые данные все же позволяют предполагать их наличие в К.я. Так, назальный призвук *~* в экскурсии некоторых слов можно рассматривать как реликт притяжательного префикса 1-го лица ед. числа *ɲ*, что, кстати, подтверждают параллельные формы **ajteɲ ~ ɲajteɲ* 'хочу' (букв. 'мое желание') у Кастрена. Кроме того, принадлежность выражалась с помощью притяжательных местоимений. Правда, М. А. Кастрен приводит только предикативные формы этих местоимений типа *anše* 'мой', *auše* 'твой' и т. д., но, учитывая полную аналогию с кетскими формами, можно предполагать в К.я. и наличие атрибутивных форм типа *an alit* 'моя жена', *au alut* 'твоя жена'.

2.3.5. Переходность / непереходность устанавливается, как правило, по рядам личных показателей в структуре глагольной словоформы при наличии одного ряда показателей (лица субъекта действия) глагольная словоформа является непереходной, при наличии субъектного и объектного ряда — переходной, ср.

<i>aš-t^ha:taɲ-aɲ</i>	'я бью'	<i>ač a-t^ha:taɲ-aɲ</i>	'я его бью'
<i>aš-t^ha:ta-u</i>	'ты бьешь'	<i>ač-u-t^ha:taɲ-aɲ</i>	'я тебя бью'
<i>aš-t^ha:ta-x-θ</i>	'он бьет'	<i>ač a-n-t^ha:taɲ-aɲ</i>	'я их бью'

Из форм с залоговым значением уже М. А. Кастреном были выделены формы пассива, ср. *ačant^hakɲ* 'я ловлю', *ačant^holo:ɲ* 'я ловил', но. *ačant^hola:ʔkɪ* 'пойман (любое лицо)'. Формы пассива имеют значение результативности (достигнутого состояния). Имеются также каузативные формы с аффиксами *-k/-g-*, *-č-*, ср.: *hata-k-t^ha:ɲ* 'грею я', *hata-g-a:ɲ* 'греюсь я', *hata-č-eɲ* 'развести огонь', а также с аффиксом *-t^h-*, как в случае *ulšija:ɲ* 'я плаваю' — *ulšija:t^ha:ɲ* 'я заставляю его плавать'.

Видовые значения выражаются показателями *-r/-l-* (имперфективность) и *-л-* (перфективность), ср.: *barikɲ* 'я найду это', *ta:trikɲ < ba:trikɲ* 'я нашел это' — *bagi:taɲ* 'я ищу это', *balagi:taɲ* 'я искал это'. Можно предполагать наличие в К.я. различных способов действия, как в кетском и югском языках.

В К.я. представлено четыре наклонения, как в кетском и югском: индикатив, императив, ирреалис и эксортатив; из них два последних выражаются аналитически. Императив представлен формами 2-го лица ед. и мн. числа, которые различаются в зависимости от вида, версии, способа действия и т. д. *ɲaɲ* 'я уйду', *ɲau* 'ты уйдешь' —

стоящего времени выполняли и функции будущего времени; кроме того, М. А. Кастрен указывает на формы с *-d'aj/-d'ax*, имевшие значение футурума, ср. формы от слова *hama*: 'хорошо':

<i>hama:tag</i>	'я хороший (есть)'	<i>hama:d'ajaj</i>	'я хорошим буду'
<i>hama:u</i>	'ты хороший (есть)'	<i>hama:d'ai</i>	'ты хорошим будешь'
<i>hama:tu</i>	'он хороший (есть)'	<i>hama:d'ax</i>	'он хорошим будет'
<i>hama:ta</i>	'она хорошая (есть)'	(?)	
<i>hama:toŋ</i>	'мы хорошие (есть)'	<i>hama:d'äjekanton</i>	'мы хорошими будем'
<i>hama:og</i>	'вы хорошие (есть)'	<i>hama:d'ajekanon</i>	'вы хорошими будете'
<i>hama:ʔiaŋ</i>	'они хорошие (есть)'	<i>hama:d'ajekan</i>	'они хорошими будут'

Отрицание выражается аналитически с помощью частицы *mon*: *mon fo:gaŋ* 'я не возьму'; а также *mon žina* 'ничто', *mon ašig(x)*, *mon bil'är* 'никто', *mon bili* 'нигде', *mon bilt'uz* 'никуда', *mon hel'em* 'никогда'. В формах императива употребляется частица *bo*:, напр.: *bo: fo:gu* 'не бери!', *bo: fo:ganog* 'не берите!'. Кроме того, форме *hičo:ga* 'есть; имеется' противостоит форма *mo:nča* 'нет; не имеется'.

2.3.7. См. 2.3.1.

2.4.0. Образцы парадигм.

В К.я., как и в кетском, наблюдается большое разнообразие типов глагольного спряжения. Поэтому ограничимся иллюстрацией парадигм глаголов переходной и непереходной семантики.

Спряжение непереходного глагола (*ajaja:k* 'играть')

<i>ajaja:kg</i>	'я играю'	<i>ajajolo:kg</i>	'я играл'
<i>ajaja:ku</i>	'ты играешь'	<i>ajajolo:gu</i>	'ты играл'
<i>ajaja:k</i>	'он(а) играет'	<i>ajajolo:k</i>	'он(а) играл(а)'
<i>ajaja:ganton</i>	'мы играем'	<i>ajajolo:ganton</i>	'мы играли'
<i>ajaja:ganog</i>	'вы играете'	<i>ajajolo:ganog</i>	'вы играли'
<i>ajaja:kan</i>	'они играют'	<i>ajajolo:gan</i>	'они играли'
<i>ajaja:lček</i>	'играй!'	<i>ajaja:lčeganog</i>	'играйте!'

Спряжение переходного глагола (*hama:tʰa:k* 'любить')

<i>hamaʔatʰa:kg</i>	'я люблю его'	<i>hamaʔatʰolo:kg</i>	'я любил его'
<i>hamaʔatʰa:ku</i>	'ты любишь его'	<i>hamaʔatʰolo:ku</i>	'ты любил его'
<i>hamaʔatʰa:k</i>	'он(а) любит его'	<i>hamaʔatʰolo:k</i>	'он(а) любил(а) его'
<i>hamaʔatʰa:kanton</i>	'мы любим его'	<i>hamaʔatʰolo:kanton</i>	'мы любили его'
<i>hamaʔatʰa:kanog</i>	'вы любите его'	<i>hamaʔatʰolo:kanog</i>	'вы любили его'
<i>hamaʔatʰa:kan</i>	'они любят его'	<i>hamaʔatʰolo:kan</i>	'они любили его'
<i>hamaʔantʰa:ku</i>	'ты любишь меня'	<i>hamaʔantʰolo:ku</i>	'ты любил меня'
<i>hamaʔantʰa:kanog</i>	'вы любите меня'	<i>hamaʔantʰolo:kanog</i>	'вы любили меня'
<i>hamaʔutʰa:kn</i>	'я люблю тебя'	<i>hamaʔutʰolo:kg</i>	'я любил тебя'
<i>hamaʔutʰa:kanton</i>	'мы любим тебя'	<i>hamaʔutʰolo:kanton</i>	'мы любили тебя'
<i>hamaʔontʰa:kg</i>	'я люблю вас'	<i>hamaʔontʰolo:kg</i>	'я любил вас'
<i>hamaʔontʰa:kanton</i>	'мы любим вас'	<i>hamaʔontʰolo:kanton</i>	'мы любили вас'
<i>hamaʔontʰa:ku</i>	'ты любишь нас'	<i>hamaʔontʰolo:ku</i>	'ты любил нас'
<i>hamaʔontʰa:kanog</i>	'вы любите нас'	<i>hamaʔontʰolo:kanog</i>	'вы любили нас'
<i>hamaʔantʰa:lček</i>	'любим меня!'	<i>hamaʔantʰa:lčekanog</i>	'любите меня!'
<i>hamaʔatʰa:lček</i>	'любим его!'	<i>hamaʔatʰa:lčekanog</i>	'любите его!'
<i>hamaʔontʰa:lček</i>	'любим нас!'	<i>hamaʔontʰa:lčekanog</i>	'любите нас!'

<i>hama:ta</i>	'она хорошая (есть)'	(?)	
<i>hama:toŋ</i>	'мы хорошие (есть)'	<i>hama:d'ajekanton</i>	'мы хорошими будем'
<i>hama'oŋ</i>	'вы хорошие (есть)'	<i>hama:d'ajekanon</i>	'вы хорошими будете'
<i>hama:ʔaŋ</i>	'они хорошие (есть)'	<i>hama:d'ajekan</i>	'они хорошими будут'

Отрицание выражается аналитически с помощью частицы *mon*: *mon fo gaŋ* 'я не возьму'; а также *mon iina* 'ничто', *mon aŋig(x)*, *mon bil'āŋ* 'никто', *mon bili* 'нигде', *mon bult'uiŋ* 'никуда', *mon hel'em* 'никогда'. В формах императива употребляется частица *bo:*, напр.: *bo: fo:gu* 'не бери!', *bo: fo:ganon* 'не берите!'. Кроме того, форме *hičo:ga* 'есть; имеется' противостоит форма *mo:nča* 'нет; не имеется'.

2.3.7. См. 2.3.1.

2.4.0. Образцы парадигм.

В К.я., как и в кетском, наблюдается большое разнообразие типов глагольного спряжения. Поэтому ограничимся иллюстрацией парадигм глаголов переходной и непереходной семантики.

Спряжение непереходного глагола (*ajaja:k* 'играть')

<i>ajaja:ky</i>	'я играю'	<i>ajagolo:ky</i>	'я играл'
<i>ajaja:ku</i>	'ты играешь'	<i>ajagolo:gu</i>	'ты играл'
<i>ajaja:k</i>	'он(а) играет'	<i>ajagolo:k</i>	'он(а) играл(а)'
<i>ajaja:ganton</i>	'мы играем'	<i>ajagolo:ganton</i>	'мы играли'
<i>ajaja:ganon</i>	'вы играете'	<i>ajagolo:ganon</i>	'вы играли'
<i>ajaja:kan</i>	'они играют'	<i>ajagolo:gan</i>	'они играли'
<i>ajaja:lček</i>	'играй!'	<i>ajaja:lčeganon</i>	'играйте!'

Спряжение переходного глагола (*hama:tʰa:k* 'любить')

<i>hamaʔaʰa:ky</i>	'я люблю его'	<i>hamaʔaʰolo:ky</i>	'я любил его'
<i>hamaʔaʰa:ku</i>	'ты любишь его'	<i>hamaʔaʰolo:ku</i>	'ты любил его'
<i>hamaʔaʰa:k</i>	'он(а) любит его'	<i>hamaʔaʰolo:k</i>	'он(а) любил(а) его'
<i>hamaʔaʰa:kanton</i>	'мы любим его'	<i>hamaʔaʰolo:kanton</i>	'мы любили его'
<i>hamaʔaʰa:kanon</i>	'вы любите его'	<i>hamaʔaʰolo:kanon</i>	'вы любили его'
<i>hamaʔaʰa:kan</i>	'они любят его'	<i>hamaʔaʰolo:kan</i>	'они любили его'
<i>hamaʔantʰa:ku</i>	'ты любишь меня'	<i>hamaʔantʰolo:ku</i>	'ты любил меня'
<i>hamaʔantʰa:kanon</i>	'вы любите меня'	<i>hamaʔantʰolo:kanon</i>	'вы любили меня'
<i>hamaʔutʰa:kn</i>	'я люблю тебя'	<i>hamaʔutʰolo:ky</i>	'я любил тебя'
<i>hamaʔutʰa:kanton</i>	'мы любим тебя'	<i>hamaʔutʰolo:kanton</i>	'мы любили тебя'
<i>hamaʔontʰa:ky</i>	'я люблю вас'	<i>hamaʔontʰolo:ky</i>	'я любил вас'
<i>hamaʔontʰa:kanton</i>	'мы любим вас'	<i>hamaʔontʰolo:kanton</i>	'мы любили вас'
<i>hamaʔontʰa:ku</i>	'ты любите нас'	<i>hamaʔontʰolo:ku</i>	'ты любил нас'
<i>hamaʔontʰa:kanon</i>	'вы любите нас'	<i>hamaʔontʰolo:kanon</i>	'вы любили нас'
<i>hamaʔantʰa:lček</i>	'любите меня!'	<i>hamaʔantʰa:lčekanon</i>	'любите меня!'
<i>hamaʔaʰa:lček</i>	'любите его!'	<i>hamaʔaʰa:lčekanon</i>	'любите его!'
<i>hamaʔontʰa:lček</i>	'любите нас!'	<i>hamaʔontʰa:lčekanon</i>	'любите нас!'

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. И в именной, и в глагольной морфологии К.я. предпочтение отдается суффиксации; нередко используется и инфлексия, особенно в словоформах переходного глагола, и лишь в редких случаях наблюдается префиксация, напр., *i-te:naj* 'я ложусь' — *al-te:naj* 'я лег'; *d'a:-te:n* 'он ложится' — *al-a:-te:n* 'он лег'.

а) как правило, сложные предложения характеризовались отсутствием специальных материальных крепл, например: *Uju urkolok, e:ča:npenlok* 'Он умылся, [он] лег спать'; б) с развитием гипотаксиса некоторые наречия и послелоги начинают употребляться в роли союзов; так, М. А. Кастрен приводит 14 коттских союзов, из которых почти половина заимствована из русского языка: *huš da t'i:gā* 'конь да корова'.

2.6.0. Как показывают специальные исследования по лексике К.я., основную массу заимствований составляют слова тюркского происхождения, что обусловлено длительными историческими контактами коттов с соседними южносибирскими тюркскими народами. Тюркские заимствования отражают новые направления в хозяйственной деятельности и связанные с ними изменения в быте. Это, как правило, лексика, обозначающая домашних животных (*aškar* 'жеребец', *kulun* 'жеребенок', *koi* 'овца', *šoška* 'свинья', *tabat* 'верблюд', *boga* 'бык' и др.), масти лошадей (*tor* 'гнедой', *šar* 'соловый', *ala* 'пегий' и др.), хозяйственного инвентаря (*kačū* 'бич', *ku:ra* 'ремень', *bal'tu* 'топор', *kaleš* 'меч' и т. д.), продуктов питания (*talgan* 'мука', *itpak* 'хлеб', *šut* 'молоко', *kajax* 'масло' и др.) и проч. Многие заимствования в К.я. восходят к глубокой древности, и точно определить язык-источник не всегда удается. Часть из них является, очевидно, самодийской, другая часть — алтайской. Легче всего вычленяется лексика, заимствованная из русского языка: *boronita:k* 'боронить', *ašig n'ebut* 'кто-нибудь', *ona:ko* 'однако', *uš* 'уже', *kolečka* 'кольцо', *štobi* 'чтобы', *peš* 'печь' и др.

2.7.0. См. 1.2.1.

ЛИТЕРАТУРА

- Вернер Г. К. Коттский язык. Ростов-на-Дону, 1990.
- Дульзон А. П. Кетские топонимы Западной Сибири // Учен. зап. Томского пединститута, 1959, т. 18.
- Дульзон А. П. Словарные материалы 18 в. по кетским наречиям // Учен. зап. Томского пединститута, 1961, т. 19, вып. 2.
- Поротова Т. И. Кетско-коттские параллели в области числа существительных // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973.
- Старостин Г. С. Морфология коттского глагола и реконструкция праенисейской глагольной системы // Кетский сборник. Лингвистика. М., 1995.
- Тимошина Л. Г. Тюркские заимствования в коттском языке // Советская тюркология, 1978, № 3.
- Bouda K. Das kottische Verbum // Beiträge zur Kaukasischen und Sibirischen Sprachwissenschaft. 2. Leipzig, 1937, Bd. 22, 4.
- Castrén M. A. Versuch einer jenessei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre. SPb., 1858.